

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра русского языка и литературы

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Проблема свободы личности в романе Б.Ш. Окуджавы «Свидание с
Бонапартом»

Исполнитель Щербакова Кристина Павловна
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель кандидат педагогических наук, доцент
(ученая степень, ученое звание)
Кипнес Людмила Владимировна
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»
Заведующий кафедрой 
(подпись)

кандидат педагогических наук, доцент
(ученая степень, ученое звание)
Кипнес Людмила Владимировна
(фамилия, имя, отчество)

«1» Июль, 2022 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2022

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. Творчество Булата Окуджавы в контексте литературы второй половины XX века.

1.1. Историческая проза в литературном процессе XX века

1.2. Историческая проза Б. Окуджавы в литературном процессе XX века

Глава II. Личность в романе Б. Окуджавы «Свидание с Бонапартом»

2.1. Историческая и литературная концепции романа Б.Окуджавы «Свидание с Бонапартом».

2.2. Характеристика ключевых образов романа Б. Окуджавы «Свидание с Бонапартом» .

Глава III. Проблема свободы личности в военных реалиях 1812 года

3.1. Вера и патриотизм как сущностные характеристики свободы личности в художественном мире романа Б. Окуджавы «Свидание с Бонапартом».

3.2. Свобода личности в художественной интерпретации Б. Окуджавы

Заключение

Список использованной литературы

ВВЕДЕНИЕ

Литература двадцатого века характеризуется обилием жанров, многообразием и быстрой сменой литературных течений, концентрированностью тематики. Каждая историческая эпоха накладывает свой отпечаток на понимание свободы, суммируя его с предыдущим. Свобода как элемент мировоззрения, как цель и идеал, придающий жизни смысл и силы в борьбе за выживание будоражит умы людей с самого момента осознания человеком себя как деятельностного индивида. Она находила свое мыслительное выражение в древних мифах, в атомистических теориях, в средневековой теологии и схоластике, в механическо-метафизических концепциях нового времени, в немецкой классической философии и в современной философии. Особую позицию в разработке проблемы свободы человека занимает русская литература, трактующая свободу, прежде всего, как проблему основания человеческого бытия.

Такое понимание данной проблематики позволяет выдвинуть тезис о том, что положительно направленная свобода, в первую очередь, реализуется внутри самого человека, в его внутреннем бытии, в его духовной природе. И в то же время свобода является способом реализации духовной природы человека, воли, осуществления своих намерений и целей [3, с. 261]. В послереволюционной русской литературе проблема свободы личности долгое время не была представлена, и только в творчестве писателей-«шестидесятников» она вновь заняла весьма значительное место. Проблема свободы личности, первоначально воплощенная в лирике, нашла свое место и в прозе, в частности романе Б.Ш. Окуджавы «Свидание с Бонапартом».

Литература о творчестве Окуджавы к сегодняшнему дню составляет довольно обширный корпус. Об Окуджаве написано множество критических статей, в последнее время всё больше и больше научных работ, проводятся конференции, ему посвящённые. К настоящему времени наметились традиции изучения произведений Окуджавы, определились темы, мотивы и

образы, которым уделяется наибольшее внимание: прежде всего темы войны (В.А. Зайцев, Л.И. Лазарев, С.В. Уварова и др.), музыки, поэта (С.С. Бойко), а также Москва и Арбат (Г.С. Кнабе, С.О. Шмидт), Грузия (А. Абуашвили, С.В. Ломинадзе). Творчество Окуджавы рассматривается в контексте массовой культуры (Н.А. Богомолов), появились работы по текстологии его песен (А.Е. Крылов), уже есть ряд работ обобщающего характера, описывающих художественный мир окуджавских произведений, его концепцию творчества, основные черты его поэтики (С.С. Бойко, Л.С. Дубшан, В.А. Зайцев, С.Б. Христофорова, Р.Р. Чайковский и др.). Однако публикации, посвящённые исторической прозе Б.Ш. Окуджавы, весьма немногочисленны (С.С. Бойко, Я.А. Гордин, В.Д. Оскоцкий, С.В. Уварова, А.В. Цуркан и др.). Исследователи отмечают, что мысль о свободе в поступке, поведении, творчестве становится ключевой для художественного мира Б.Ш. Окуджавы, а историческая проза автора, аккумулирующая в себе сложнейшие процессы прошедших эпох, тесно связана с современностью. Исторические романы Б. Окуджавы репрезентативны в аспекте осмысления историософских представлений писателя о бессилии «частного» человека перед исторической действительностью и о стремлении к свободе как абсолютной ценностной константе бытия. Через все исторические романы Б. Окуджавы проходит мысль о синтезе «частного» и «исторического», о том, что изолированности человеческой свободы от истории не существует. Его исторические произведения можно считать размышлением о судьбе [4, с. 263].

Проблема свободы личности в исторической прозе Б.Ш. Окуджавы была ранее обозначена исследователями, но практически не рассматривалась на материале романа «Свидание с Бонапартом», чем и обусловлены актуальность и новизна нашего исследования.

Работа Б.Ш. Окуджавы над историческими романами проходила в 1960-1980-е годы, что неслучайно, поскольку именно в этот период исторический роман развивается особенно активно, происходит актуализация

представлений о свободе человека в обстоятельствах, навязываемых эпохой.

Целью данной выпускной квалификационной работы является изучение проблемы свободы личности в романе Булата Окуджавы «Свидание с Бонапартом».

Задачи данной выпускной квалификационной работы:

1. Проанализировать творчество Б.Ш. Окуджавы в контексте декабристской литературы XX века.
2. Выявить место исторической прозы Б.Ш. Окуджавы в литературном процессе XX века.
3. Проанализировать историческую и литературную концепции романа Б. Окуджавы «Свидание с Бонапартом».
4. Охарактеризовать ключевые образы романа Б. Окуджавы «Свидание с Бонапартом» .
5. Выявить сущностные характеристики свободы личности в художественном мире романа Б. Окуджавы «Свидание с Бонапартом».
6. Охарактеризовать свободу личности в художественной интерпретации Б. Окуджавы.

Для решения поставленных задач были использованы следующие методы: историко-генетический, сравнительно-типологический, гипотетико-дедуктивный, сравнительный метод исследования, а также метод анализа литературного произведения, критической литературы.

Объектом исследования является роман Булата Окуджавы «Свидание с Бонапартом».

Предметом исследования является проблема свободы личности в романе «Свидание с Бонапартом».

Материалом исследования служит роман Б. Окуджавы «Свидание с Бонапартом», а также историческая проза писателей второй половины XXвека, в которой рассматривается проблема свободы личности.

Данное исследование имеет практическую значимость. Его результаты могут быть использованы не только учителями и студентами в изучении

литературы второй половины XX века, но и литературоведами, занимающимися углублённым рассмотрением исторической прозы Б. Окуджавы.

Структура работы: введение, три главы, каждая из которых состоит из двух параграфов, заключение, список использованной литературы, включающий 51 источник.

Во введении определяется тема выпускной квалификационной работы, её актуальность, научная новизна, степень разработанности проблемы, цели, задачи, методы, объект, предмет, исследования, материал, а также его практическая значимость и структура.

Первая глава посвящена исследованию творчества Булата Окуджавы в контексте литературы второй половины XX века, в частности месту исторической прозы Б. Окуджавы в литературном процессе XX века

Во второй главе произведён анализ исторической и литературной концепций романа Б.Окуджавы «Свидание с Бонапартом», охарактеризованы ключевые образы романа.

В третьей главе выявлены и охарактеризованы сущностные характеристики свободы личности в художественном мире романа Б. Окуджавы «Свидание с Бонапартом».

В заключении подведён итог проведённой научной работы.

Глава I. Творчество Булата Окуджавы в контексте декабристской литературы XX века

1.1. Историческая проза в литературном процессе XX века

Вторая половина двадцатого столетия, в частности, 1970-80-е годы, стали непростым временем для русской литературы. На тот момент действовал запрет на многих авторов – Шаламова, Гроссмана, Солженицына и других, в чьих трудах власть видела антисоветскую пропаганду. Однако, были и авторы, которые несмотря на нестабильное положение литераторов в СССР, были любимы как народом, так и правительством, поскольку, в своих произведениях передавали читателям героизм русского народа, формируя его положительный образ у младшего поколения, и укрепляя веру в непобедимость у более старших. Одним из таких авторов был Булат Окуджава - великий поэт и прозаик, прошедший фронтовые будни и ставший одним из наиболее популярных авторов исторических романов своего времени.

Булат Шалвович Окуджава родился в Москве в 1924 году, и большую часть своего детства провёл на Арбате - являясь одним из представителей советской интеллигенции. Во время репрессий, его родители были признаны антисоветскими лицами, и семья была вынуждена переехать на родину - в Грузию. После войны, семья Окуджавы была реабилитирована, и Булат вернулся в Москву.

Несмотря на то, что Окуджава считается основоположником авторской песни, Булат Шалвович также вошел в историю советской и российской культуры, как поэт, киносценарист, композитор и прозаик.

В первое время своей литературной работы Окуджава занимался и переводами: переводил стихи с арабского, испанского, финского, шведского, языков народов соцстран и СССР, также перевёл две книги прозы. Писал для детей - повести «Фронт приходит к нам», «Прелестные приключения». Помогая своим знакомым литераторам, находящимся под строгой советской

цензурой, Окуджава опубликовал под своим именем статью Л. Копелева о докторе Гаазе и книгу стихов в переводе Ю. Даниэля. Под его именем напечатан также текст песни «Парус» (муз. Е. Глебова), написанный О. Арцимович.

Публикация книг не была основным доходом писателя, однако, его романы и по сей день являются образчиком советской ностальгической литературы, даже спустя почти пятьдесят лет. За период с 1976 по 1983 годы, Окуджава выпустил два наиболее известных исторических романа, позволивших ему приобрести репутацию достойного писателя-историка.

Романы «Свидание с Бонапартом» и «Путешествия дилетантов» были основаны на историко-научных хрониках и материалах, дошедших до нашего времени. События романа «Свидание с Бонапартом» относятся к периоду войны между Российской Империей и Францией - именно к этой эпохе относятся события захвата Наполеоном Москвы, битвы при Бородино и сожжения Москвы русскими войсками зимой 1812 года.

Это уникальный пласт истории России, имеющий важное значение как в контексте внешней, так и внутренней политики и социальной картины того времени. Что касается картины романа «Путешествия дилетантов», она основана на событиях 1845–1855 гг., и начинается с возвращения князя Сергея Мятлева и рассказчика Амирана Амилахвари после дуэли (окончившейся ничем) в просторный петербургский дом князя Трубецкого, наполненный копиями с античных шедевров.

«Путешествие дилетантов» наиболее лиричный и «современный» из всех исторических романов Окуджавы, воистину книга поколения («Я написал роман “Прогулки фрайеров”, // и фрайера меня благодарили...»), говорит литературовед М.А. Александрова.

Подобно тому, как А. С. Пушкин в «Арапе Петра Великого» сравнивает французское общество и российское, для романиста XX в. в Отечественной войне 1812 г. неразличимо горе русских, французов или австрийцев [5, с. 118]. Поэтому Окуджава выводит на сцену в произведении

«Свидание с Бонапартом» не только историю жизни и судьбы семей Опочининых и Волковых. Автор знакомит с «горестными воспоминаниями» французской певицы Луизы Бигар, а также с биографией австрийского эмигранта Франца Мендера и французского интенданта Пасторэ .

Таким образом, в прозе Окуджавы проблемы исторического развития русского общества не изолированы, а вписаны во всемирно-исторический контекст.

В одной беседе автор второй половины XX в. как-то признался: «Вот сейчас заканчиваю роман «Свидание с Бонапартом». Критики ищут в моей прозе исторические неточности, а это романы, а не научные трактаты».

И этим самым он утверждал свое право на творчество, фантазию. Ему, как и Пушкину, в художественном произведении важно передать дух эпохи, пусть иногда в ущерб достоверности фактов.

По меткому замечанию Ю. Минералова, «художественный стиль всегда парафразирует, а не фотографирует историю. Отсюда внешние «неточности», которые в принципе не помеха глубокому проникновению художника в суть изображаемого, истинной точности».

Несомненно, что Б. Ш. Окуджава перед написанием романов увлекался историей.

Так, замыслив роман о Пестеле и знакомясь со стенограммами допросов декабристов, он обратил внимание на неграмотность записей. И представил себе некоего молодого писаря, вообразил себе, каково могло быть восприятие дела декабристов таким наивным и недостаточно грамотным человеком, какое влияние могли оказать личности допрашиваемых на его душу. Так зародился образ Авросимова, бедного «господина Вани»⁹, считает литературовед В.А. Выдрина.

Таким образом, Булат Окуджава смог художественным языком перенести читателей в важнейшие для России исторические события, при этом, сохранив философский подтекст и расположение к сопереживанию героям.

Историческая тема традиционно рассматривается как одна из ведущих составляющих литературного процесса. Особый интерес к ней проявляется в особо острые, драматичные периоды развития общества. Сравнение разных картин мира – современной и когда-то существовавшей, позволяет ответить на вопросы, как выстраивать свое поведение, какими нравственными законами руководствоваться.

Появление большого числа произведений, написанных на историческую тему в переходный период, показало, что пришло время осмысления острых вопросов отечественной истории, главным из которых стало раскрытие национального характера. Значимыми также становятся вопросы, связанные с русской интеллигенцией и отдельными этапами истории России, о которых пришло время писать с иных позиций, с учетом нового знания о действительности.

Отличительной особенностью исторической прозы конца XX в. является разнообразие форм использования исторического материала. Получает активное развитие исторический роман. В 70-е годы в историческую прозу пришли со своими произведениями писатели, прежде не работавшие в этой области: В.Шукшин, Ю.Трифонов, В.Чивилихин, Б.Окуджава и др., в 80-е - А.Ананьев, В.Ганичев, В.Личутин и др. Раньше, чем историки и публицисты, подвергли смелому анализу болезни нашего общества такие писатели, как Д.Балашов, В.Бахревский, Ю.Давыдов, В.Пикуль и др. В событиях предшествующих столетий они усмотрели исторические катаклизмы XX века: отношение к русским революциям, к эпохе репрессий, "оттепели" конца 50-х - начале 60-х годов. Авторы исторических романов обратились к проблеме государственности, лидерства в политике, заговорили об общечеловеческих ценностях в истории, религиозной нравственности, что способствовало пробуждению самосознания русского народа, его возвращению к своим духовным корням, к своему прошлому.

Однако, создаются не только исторический роман, в котором

соблюдается парадигма жанровой формы, но и парафразы исторических событий в зависимости от авторской концепции и конкретных целей в форме сказа или притчи (произведения Ф. Искандера), «утопии» («антиутопии») (Т. Толстая, Д. Липскеров), «альтернативной фантастике» (А. Белянин, Хольм ван Зайчик), ретродетективов (Б. Акунин, Л. Юзефович, М. Юденич), авантюрных и приключенческих романов (проза А. Бушкова) [4, с. 260].

В качестве своеобразной игровой площадки историческую основу используют Дм. Быков, В. Пелевин, В. Шаров. Авторы часто обращаются к двадцатым годам как своеобразному отправному пункту для реализации собственной концепции видения событий («Чапаев и Пустота» В. Пелевина, «Казароза» Л. Юзефовича).

Без опыта А. Солженицына изучение исторической формы будет неполным. В масштабной эпопее «Красное колесо» он одним из первых задумался, считать ли произведения, написанные о войнах и революциях, историческими романами? Или их следует воспринимать как тексты, посвященные истории с вставленными в них фигурами значимых исторических лиц? Масштабность и всеохватность изображаемого свойственны тем авторам, кто, как А. Солженицын, разрабатывает форму романа-эпопеи, широкого эпического полотна. Тогда в тексте происходит органическое соединение самых разных источников (фольклорных, документальных, публицистических), фантастических элементов и аналитических рассуждений авторов, осмысливается огромный фактический материал.

Такой подход представлен в романах Д. Балашова (настоящее имя Эдуард Михайлович Гипси, 1927-2000). Сюжета в традиционном понимании в романах Д. Балашова нет, развитие действия определяется хронологией реальных событий, в которых, как обычно бывает в парадигме исторического романа, действуют реальные и вымышленные персонажи. Один текст продолжает другой, образуя общее повествовательное пространство, охватывающее во времени более столетия. Постепенно сложился цикл

романов «Государи московские»: «Младший сын» (1977), «Великий стол» (1980), «Бремя власти» (1982), «Симеон Гордый» (1983), «Ветер времени» (1987), «Отречение» (1990).

Д. Балашов представляет свою версию событий описываемого времени, последовательно составляя ее по имеющимся в его распоряжении источникам и дополняя недостающие фрагменты авторской исторической реконструкцией. Отношение к историческим документам у Д. Балашова особое. Используя документальные материалы как основу своих текстов, не дидактически излагая события, Д. Балашов определяет свой метод следующим образом: «Там, где историк может обронить «например» или поставить вопрос, романист обязан додумывать до конца и решать: было или не было?.. Приходится восстанавливать связь поступков по одному-двум случайно оброненным известиям, сложным косвенным признакам устанавливать возраст героя и проч., вплоть до внешности персонажей, от которых зачастую не осталось ни словесных портретов, ни праха, по которому можно было бы восстановить внешние черты усопшего».

Подобный подход традиционен для исторического романиста, в свое время его развил Ю. Тынянов. Д. Балашовым практически погодно воссоздана многовековая историческая панорама со многими десятками подлинных и созданных воображением писателя лиц.

Историческая проза Балашова.

- «Младший сын» - первая книга цикла «Государи московские». Рассказывает о борьбе за власть сыновей Александра Невского - Дмитрия и Андрея, об отношениях с Ордой, о созидании младшим сыном Невского Даниилом Московского княжества как центра последующего объединения страны.

- «Великий стол» - вторая книга цикла «Государи московские». Рассказывает о противостоянии Москвы и Твери в первой четверти XIV века (1304-1327 гг.), трагическом и полном противоречий периоде в истории России, когда решалось, какой из этих центров станет объединителем

Владимирской (позже - Московской) Руси

1.2. Историческая проза Б. Окуджавы в литературном процессе XX века

Романы «Путешествия дилетантов» и «Свидание с Бонапартом» были написаны на основе исторических материалов девятнадцатого века, однако, сам Окуджава говорил о своём творчестве, исходя из философской позиции: «Я пишу о себе, но на историческом материале. Мне интересно ставить себя на место своих героев. Через них я пытаюсь выразить себя, выкрикнуть то, что накопилось в душе, поделиться своими мыслями, взглядом на жизнь».

Е.Н. Матюшкина в своих трудах также говорит об олицетворении самого Окуджавы в героях его исторических романов. Точка зрения Матюшкиной еще раз доказывает, что ностальгические произведения Окуджавы в контексте русской литературы имеет не только историческую, но и философскую ценность.

Читатели, журналисты, литературные критики множество раз задавали Окуджаве вопрос из зала: «Чем объясняется ваш интерес к истории?», ответ на который он полагал самоочевидным: - Тем же, чем и ваш; В другой раз на похожий вопрос «Как вы лично пришли к исторической прозе?» писатель ответил: - И я не избежал общей участи.

Декларируя позицию «как все», Окуджава последовательно уклонялся от её конкретизации. Откровенность писателя не простиралась дальше признания, что он давно привык сводить к единственному тезису все возможные рассуждения о значении для современности любимого им XIX века: Об этом можно много говорить.

Но я себе придумал такую формулу. <...>Она, на мой взгляд, очень удобная и очень лаконичная: это время не столь далеко, чтобы казаться недостоверным, и - в то же время - не столь далеко, чтобы потерять загадочность. Вот я и стараюсь там, в этих временах, обитать.

Говоря об авторской позиции Окуджавы в его лирической литературе, стоит, в первую очередь, обратиться к «Путешествию дилетантов». Пьянство героя Мятлева - это выпадение из общества, чьи заповеди фактически были

противоположны принятым формально; следовательно, оно тоже требовало недюжинного терпения и твердости характера. Возникает, однако, ощущение, что где-то мы уже с этим встречались, что и здесь показана жизнь на обочине, нечто вторичное. На это обратили в свое время внимание критики Я.Гордин, обнаруживший сходство Мятлева с Пьером Безуховым, но «без идей, без почвы», и С.Плеханов, сравнивший героя Окуджавы с Анатолом Курагиным, которого будто «возвели в Печорины» Когда-то такое явление называлось «лишние люди».

Кажется, однако, что сходство это внешнее - Окуджава его использует для того, чтобы резко оттолкнуться от него при прописывании внутреннего мира Мятлева, показать инакость его идей и почвы. Мятлев не входил в тайные организации, подобно Пьеру, хотя оба они не совпадали с доставшимся им по наследству привычным миром; не искал смерти в далеких иноплеменных странах, подобно своему великому соотечественнику, тоже выпавшему из этого круга, и, подобно Анатолию Курагину, не разрушал этот благопристойный, со своими ценностями мир бездумно.

Он исповедовал внутреннюю свободу, сумел выдержать натиск привычек, быта, происхождения, оберегал свой собственный, свой личный, единоплеменный мир от любых посягательств на него, даже от мраморных статуй в собственном доме. И разве не соразмерно это или менее достойно участия в сообществах?

Вряд ли вслед за одним из критиков можно утверждать, что Мятлев родился не вовремя. Вовремя! В то время, которое требовало организации собственной головы.

Но в таком случае и замеченная вторичность оборачивается властным требованием изнаночного переименования жизни, превращения ее не просто в социальное, но в культурное дело - действенное противоядие от превращения человека в безликую массу, вполне достойную суетного поименного упоминания - подобно пушкинской постоянно лгущей Любви

Петровне.

Таким образом, Окуджава не только восстанавливал хронологию исторических событий в своей ностальгической прозе, но и вносил элемент философии, олицетворяя в героях самого себя и главные людские пороки.

Всё это позволило ему войти в советскую литературу, как писателю - создателю исторической литературы, имеющей высокую моральную составляющую, рассматривающую в историческом контексте не только политику государства и военную хронику, но и социальную сферу, быт своего времени, людские судьбы в реалиях различных эпох.

Окуджава: В 1937 году родители Булата были арестованы, отец был расстрелян по ложному обвинению 4 августа 1937 года, а мать сослана в Карагандинский лагерь, откуда она вернулась лишь в 1955 году. После ареста родителей Булат с бабушкой вернулся в Москву. Он редко говорил и писал про своих предков и о своей судьбе, лишь к концу жизни он написал автобиографический роман «Упразднённый театр», где рассказывает о невгодах своей семьи. Работал редактором в издательстве «Молодая гвардия», затем - заведующим отделом поэзии в «Литературной газете». В 1961 году Окуджава дебютировал как прозаик: в альманахе «Тарусские страницы» была опубликована его автобиографическая повесть «Будь здоров, школяр» (отдельным изданием вышла в 1987). Опубликованы повести: «Бедный Авросимов» («Глоток свободы») (1969) о трагических страницах в истории декабристского движения, «Похождения Шипова, или Старинный водевиль» (1971) и написанные на историческом материале начала XIX века романы «Путешествие дилетантов» (часть 1. - 1976; часть 2. - 1978) и «Свидание с Бонапартом» (1983). 8 мая 2002 года в Москве был открыт первый памятник Булату Окуджаве. Монумент установлен на углу Арбата и Плотникова переулка.

Роман «Путешествие дилетантов» - попытка писателя решить одну из главных проблем современного мира: взаимоотношения частного, отдельного человека и общества.

Роман Окуджавы «Путешествие дилетантов» - книга на первый взгляд с обычным романским сюжетом, где прослеживается жизнь одного незаурядного представителя княжеского рода Мятлевых - почти от рождения до смерти, от первого пробуждения души, с ее поэтическими паузами и особым музыкальным ладом, задающим тон всему роману, до последнего жизненного аккорда, завершеного страшным, за одиннадцать верст услышанным криком любимой женщины, жизнь которой изначально была «настроена» на жизнь князя. А в промежутке обычный для людей его круга путь, с дуэлями, экстравагантными выходками, переводом из гвардии в армию, службой на Кавказе, с пуншем, дамами; и рядом другая, его же, жизнь, тоже случающаяся среди людей этого круга: благородство, страшное потрясение, вызванное гибелью двух друзей-поэтов, одного, ссыльного вольнодумца, - в стычке с горцами, другого, злого и насмешливого гения, - на дуэли; умственное протрезвление, взгляд назад, на Сенатскую площадь, к событиям «стоячего совершенства», о чем не проговаривается - промалчивается; одиночество, водка, немногочисленные друзья, стойкая независимость; любовь, спасение любви, бегство и жизнь во имя любви... Обычный сюжет, переходящий из века в век, скорректированный лишь данной местностью и данным временем, где человек не задан, а день за днем - из хаоса - формирует себя сам. Собственно, и хаос - творение. Ничего не получается с его материальным первородством, ибо и материю надо сотворить. Когда в современной философии делаются попытки первородство хаоса противопоставить порядку, то это все то же естественнонаучное понимание мира.

Что сразу же бросилось в глаза - это главный образ романа. Обратим внимание на строчки, пунктиром прошившие весь роман:

Помнишь ли труб заунывные звуки,

Брызги дождя, полусвет, полутьму?

Что это? - недоумевает князь Мятлев. Откуда это наваждение? Не знают его близкие. И не все мы сразу узнаем. Эти стихи анонимно проходят

сквозь половину романа, и лишь в середине его, когда встретились нашедшие друг друга герои - два одинаковых взгляда, - узнаешь: «Еду ли ночью по улице темной...». Некрасов, господин Некрасов. Вольнодумец, печатавший, по сообщению некоего оmundиренного господина Колесникова, такое, что кое-кому не поздоровится, восхитительный Некрасов - и ниспровергатель основ, картежник и шельма, по свидетельству все того же господина Колесникова, который в изменившихся обстоятельствах перестал быть либералом. Так, среди непонятности, томительности, полуузнанности, возникает лицо, с которым уже не расстаться. «Какие же силы были затаены в сем сухопаром господине с редющей шевелюрой, пронзительным взглядом и изможденным лицом, - комментирует Мятлев это явление, - ежели неотвязно, подобно року, преследовали услышанные им заунывные трубы» [37, с. 544].

Здесь изначально задан высокий уровень строящейся в душе героя культуры. Эта постройка, казалось бы, хрупкая, из «первоматерии» - из дождя, ливня, потока, реки-речения, чего-то неизменно текучего и вроде бы уничтожающего и уничтожающегося (я стою под дождем, дождь проникает в меня, и вот я уже сам дождь - так пытался «за 5 секунд» объяснить сущность постмодернизма один из его адептов, в примитивизме которых тот, мощное современное течение, вовсе не нуждается), оказывается единственно способной удержать дух в культурно-исторической стойкости, без и вне которой невозможна жизнь, понимаемая как творчество. Идея культуры, заложенная в романе, обнаруживается не столько как оппозиция природности человека сколько как взаимоотношения разных культурных выражений (Мятлев - Некрасов) внутри одной культуры. «Недобросовестные критики и слабые поэты, проклинаящие культурно-исторические пласты в человеческом сознании, ратующие за первобытную естественность и непосредственность, не понимают, как укоренен человек в истории, как надуманы и антиисторичны их представления о человеке». Это сказано А. Кушнером совершенно по другому поводу, но о том же по сути, вот только

термин «история» стоило бы пояснить, чтобы не возникла идея эволюционизма, постепенности вместо понимания ее как особого состояния, когда субъект раскрывает глубины действительности путем внутреннего самопознания. А это всегда уникальный путь. Выраженный же поэтически он называется словом «культура». Образ, который выше был назван главным в «Путешествии дилетантов», по-видимому, и можно назвать образом Культуры - преобразования, творения человеком самого себя как бы из ничего. Сопоставляя собственное устоявшееся существование с неким предельным уровнем, он снова и снова обращает к себе гамлетовский вопрос «быть или не быть» и, решая «быть», выбирая способ события, умирает для одного - прежнего - мира, чтобы заново родиться в другом. Человек собою восстанавливает распавшуюся связь времен, в глубинах своего мышления осуществляя диалог разных точек зрения, сознаний, образов - диалог, претворяющийся в произведении культуры.

Анонимность, связанная и с цитированием чужого текста, и с перекличкой образов и имен, оказывается великой формирующей силой. Безымянное непосредственное существование стихов в душе Мятлева свидетельствовало о его включенности в культурно-историческую систему сходств и подобий, за границей которой оказывался всяк не слышащий «заунывных труб». Анонимность скрывала глубину исторической памяти, как тайна поэта или тайна портрета. Часто в музеях слова «художник неизвестен» оказывают магическое действие, - картины, пережившие имя своего создателя, свидетельствуют о превосходстве человеческого духа над плотью; осознание этого в известной мере притупляет чувство неизбежного конца.

Второй план романа вообще весь анонимен. До самого конца не будет произнесено имя поэта с грустными глазами, погибшего на дуэли. Все знают, кто он, догадались по деталям поединка, по характеру, внешности, по тем, казалось, мелочам, что сам герой носит имя Мятлева, встречающееся в стихотворениях грустного гения. Этот прием - безмолвствующих образов, -

чрезвычайно важен для понимания авторского замысла. Именно в этих образах сосредоточено то главное, несказанное (о чем суетливо толкуют поименованные большие и малые государевы слуги). И именно с ними ведется напряженный спор, с их помощью осуществляется выбор другого пути («Пожалуй, следовало бы ему быть терпеливее и мягче...»), переворачивающего жизнь, заставляя отвлекаться от мира вещей на строительство духовного мира.

Но что является основным материалом такого строительства? Может быть, как мы говорим о том во всех главах, таким материалом является речь? Но когда-то бывшие важными слова «Господи, Боже мой» в устах одной из героинь, Александрины, - почти междометие, брошенное небрежно, впопыхах, слитно - «господибожемой». Это не просто речевая характеристика, но синоним девальвации слова. Обыденная речь, которая для Тертуллиана была свидетельством существования Единого Бога, здесь свидетельство смерти Бога, ирония, «чисто грамматическая шутка» (Делез, Клоссовски). Может быть, к судьбе относились как к великому делу? Снова нет, так как для людей, осознавших разрыв времен, лучшей судьбой было ряженое под дело безделье (симулякр дела) безделица, поскольку для дела нужно было не только понять разрывы, но и обрести в себе силы, чтобы суметь связать оборванные нити. Покуда же этого нет, любая деятельность вела к физической и нравственной катастрофе. Первую возлюбленную Мятлева она вела к самоубийству, самого Мятлева - в крепость, Лавинию - к браку по расчету. Когда-то опьянение Ноя могло расцениваться как проверка достоинства его детей («почитай отца»), проверкой выдержки и терпения. Пьянство Мятлева - это выпадение из общества, чьи заповеди фактически были противоположны принятым формально; следовательно, оно тоже требовало недюжинного терпения и твердости характера. Возникает, однако, ощущение, что где-то мы уже с этим встречались, что и здесь показана жизнь на обочине, нечто вторичное. На это обратили в свое время внимание критики Я.Гордин, обнаруживший сходство Мятлева с Пьером Безуховым,

но «без идей, без почвы», и С.Плеханов, сравнивший героя Окуджавы с Анатодем Курагиным, которого будто «возвели в Печорины» Когда-то такое явление называлось «лишние люди» [10, с. 62].

Кажется, однако, что сходство это внешнее - Окуджава его использует для того, чтобы резко оттолкнуться от него при прописывании внутреннего мира Мятлева, показать инакость его идей и почвы. Мятлев не входил в тайные организации, подобно Пьеру, хотя оба они не совпадали с доставшимся им по наследству привычным миром; не искал смерти в далеких иноплеменных странах, подобно своему великому соотечественнику, тоже выпавшему из этого круга, и, подобно Анатолию Курагину, не разрушал этот благопристойный, со своими ценностями мир бездумно. Он исповедовал внутреннюю свободу, сумел выдержать натиск привычек, быта, происхождения, оберегал свой собственный, свой личный, единоплеменный мир от любых посягательств на него, даже от мраморных статуй в собственном доме. И разве не соразмерно это или менее достойно участия в сообществах? Вряд ли вслед за одним из критиков можно утверждать, что Мятлев родился не вовремя. Вовремя! В то время, которое требовало организации собственной головы. Но в таком случае и замеченная вторичность оборачивается властным требованием изнаночного переименования жизни, превращения ее не просто в социальное, но в культурное дело - действенное противоядие от превращения человека в безликую массу, вполне достойную суетного поименного упоминания - подобно пушкинской постоянно лгущей Любовь Петровне.

Такая мировоззренческая установка, безусловно, требовала и особым образом организованного пространства, где действовала эта установка. Внешне это выглядело так: Мятлев убирает с глаз долой все лишнее, рассредоточивающее внимание, оставляя лишь гостиную и библиотеку. Дом его - «прекрасное деревянное сооружение в три этажа с куполом», «свидетель недавнего блистательного прошлого столицы», поражающий строгостью форм и в то же время легкостью и приветливым видом,

устойчивостью. Этот прекрасный, внешне столь гармонирующий с привычной архитектурой регулярной империи дом скрывал в своих стенах совершенно другой мир, с иным пространством, развернутым до пределов Вселенной. Пространство это можно было обнаружить только умными очами. Оно оказывалось своего рода Зазеркальем. Внутренней границей двух миров была странная картина, где среди грубо размалеванных индейцев и белых завоевателей был спрятан, и потому, когда его обнаруживали, выглядел диссонансом прекрасно прописанный портрет мученика 14 декабря С.Муравьева-Апостола, - лишь раз обмолвится о нем Мятлев. Прочим людям портрет этот лишь смутно напоминает кого-то. Сама природа подобной анонимности (показать то, чего нет) своим ироническим статусом удваивает смысл произведения, подсмеиваясь над героями, а в конце концов и над авторами - без подобной насмешливости не была бы возможна никакая мысль. Да и в самом деле: может ли Мятлев быть героем - этот отщепенец, изгнанный светом? Прав ли он в своем недеянии? Анонимный Муравьев безмолвием своим провоцирует не просто сознание Мятлева (оно задано автором), - он провоцирует мысль и поступки самого автора. Безмянный лик - свидетельство расстройтва мира; логика требовала бездействия, интенция жизни толкала к действию, а девальвированное слово, рождающее призрак дела (вспомним Фауста), и то, и другое превращало в иллюзию. Судя по разговорам с друзьями (поручиком Амираном Амилахвари, великодушным доктором, таинственным конспиратором Хромоножкой) и по мысленному оспариванию авторитетов, которыми Мятлев населил свой внутренний мир, легко понять, сколь проблематичен его образ мышления: он свободен в своем путешествии по жизни; последовательно открываются его двери и окна, преображая пространство дома-Вселенной в пространство собственной дороги внутри этой Вселенной. В подобном поиске пути, тождественном саморождению человека, где он может выглядеть исключительно дилетантом, поскольку на только что выбранной дороге у него нет никакого опыта, кажется, и стоит искать суть культурных тенденций

произведения Окуджавы.

Вне времени и пространства, которые только предстоит назвать временем и пространством, чувствуют себя Мятлев и Лавиния, пустившиеся во имя любви в свой крестный путь, на поиски рая, которого нет и о котором знали, что его нет. Раем было само их путешествие, начавшееся когда-то, на заре человечества, напряженным описанием изгнания из рая. Некогда отрицательное, ныне рассматривалось как положительное. «Да здравствует свобода!» - восклицает Лавиния. Обретенная, не дарованная, не обычная свобода (свободным можно чувствовать себя уже потому, что ты молод и богат), - здесь она означала отказ от тисков привычного обихода. Любовь и свобода сошлись на своем многотрудном пути. Когда-то, в христианской дали, это было предначертано и предположено. Сейчас путь был запрещенным, любовь - преступной (бегство от мужа), свобода соседствовала с тюрьмой. Ритмы традиции сковывали провозглашенные идеи новизны. Домострой был порогом путешествия, о который постоянно спотыкалась жизнь героев. Потому путешествие не могло быть путешествием за мудростью, как в старых сказках. Оно могло быть вечным путешествием вечных дилетантов. «Дилетанты» - этим подчеркивается Окуджавой принципиальная незавершенность темы.

Странных мы перечисляем героев: либо безымянных, либо с именами нарицательными - любовь, свобода, путь. Не герои, а аллегории, давно, казалось бы, покинувшие литературные поля. Не лучше ли раскрыть психологию Мятлева или Лавинии, а то ведь и они иногда чересчур идеальны.

Вряд ли, однако, автор ставил перед собой такую задачу. Мы определили в нем главную - культурную - тенденцию при работе над произведением, а в культуре самостоятельную прописку имеют вещи, не влияющие на психологию человека, зато вызывающие творческие реминисценции, придающие жизни метафорическую, историческую, фонетическую окрашенность. Рядом с этими героями ни Мятлев, ни Лавиния

не проигрывают, - напротив, они становятся богаче не на психологическую деталь, а на еще одну жизнь (Мятлев богаче на жизнь Александрины, доктора, поручика, Лавинии, императора, дороги, ума; Лавиния - на... и т.д.). Век XX (век Окуджавы) становится богаче на век девятнадцатый (век действия в его романе). Перечень можно продолжить. Удвоение мышления, или диалогическое мышление, наряду с анонимностью, особым образом понятой маргинальностью - это особенности поэтики Окуджавы.

Глава II. Личность в романе «Свидание с Бонапартом»

Культура народа в оценке исторического аспекта раскрывается в широкой концепции. Сегодня каждый человек решивший познакомиться с историей, историческими событиями вынужден взаимодействовать через литературу, путем личного соприкосновения, через национальную мифологию.

Миогенный сюжет романа Окуджавы является наполеоновским сюжетом и выступает на сегодня как литературоцентричным, являющийся самым востребованным в мировой культуре, за счет антропологического аспекта, а также историософского и антропологического аспекта.

Проза Булата Окуджавы обладает редкой магической способностью привлекать к себе читательское внимание, захватывать наше воображение глубиной и сочностью повествования, долго держать в эмоциональном плену наши мысли и чувства после того, как тот или иной роман этого художника прочитан. Есть в творчестве Б.Окуджавы нечто такое, что вызывает к нему особый род доверия и нежности. Писатель мудр и естественен. Вчитываться в него – слышать исповедь много познавшего на своём веку сердца.

Роман «Свидание с Бонапартом», вышедший отдельной книгой в издательстве «Советский писатель» в 1985 году, своеобразный итог размышлений автора над судьбами своего многострадального Отечества [30]. На первый, поверхностный взгляд, он может показаться искусственно романтическим, нарочито придуманным, но серьёзное чтение «Свидания с Бонапартом» позволяет судить о нём как о значительном достижении современного реалистического искусства.

Перед нами, безусловно, роман со всеми традиционными для этого жанра, несколько забытого нашими писателями, характеристиками. Налицо и разветвлённая образная система при одной доминирующей сюжетной линии (судьба Тимофея Игнатьева), и широкий социально- исторический фон происходящих в произведении событий, и неторопливо-объективная манера

романного повествования. В «Свидании» встречаются, переплетаются и расходятся разные человеческие характеры и судьбы. Как опытный романист, Б. Окуджава заботится о том, чтобы интрига держала читателя в напряжении, а психологический рисунок героя потрясал иногда своей непредсказуемостью. Булат Окуджава подчёркнуто чтит традиции, но при этом его последний роман – вещь особенная, во многом исключительная, даже странная.

Сложную эстетическую природу «Свидания с Бонапартом» определило, скорее всего, то, что произведение создавалось во II половине XX века и поэтому невольно вобрало в себя богатейший опыт отечественной и европейской романистики более чем трёх веков. В нём легко угадывается и давно знакомое, и оригинальное, принадлежащее только его создателю.

Образованному современному читателю нет-нет да и почудится, что глядят на него со страниц «Свидания» и саркастический Вольтер, вольно обращающийся с историей в угоду своему безудержному ироническому вдохновению, и печальный знаток людской непостоянности Мюссе, непревзойдённый мифотворец Маркес... Но не иностранная традиция определяет сущность сказанного советским писателем Его главные советчики и учителя – Пушкин, Лермонтов и Толстой. Недостигаемость пушкинской простоты магнит для Окуджавы, Лермонтов близок автору «Свидания с Бонапартом» тем, что за внешней романтической внешностью умел разглядеть страдающую, трагически бесперспективную и вполне реалистическую сущность. Психологизм дневников, писем, внутренних монологов героев Лермонтова во многом ориентирует Б. Окуджаву в создании художественного образа. Но самый главный, самый влиятельный, авторитет, с которым Окуджава то спорит, то смиряется, которого то атакует, то возвеличивает – Лев Толстой. Вслед за ним ищет он логику человеческого добра и общества и, не находя, предаётся то терпению, то бунту.

Да, Б. Окуджава манипулирует найденным до него в отечественной и мировой культуре с опытностью блестящего фокусника. Но, создавая

иллюзию внешнего изящества событий «давно минувших дней», он наполняет роман глубоким и трепетным содержанием современности. Писатель переосмысливает известные исторические и художественные мифы, в придуманном им сюжете узнаются сегодняшние проблемы и явления.

Нельзя не сказать, что в приёме художественного переосмысления знакомых литературных тем и образов прошлого Б. Окуджава одинок. Вспомним, как проступают в самобытном и очень современном творчестве Александра Вампилова черты Гоголя и Мольера, Достоевского и О`Неила, Уильямса и Чехова [24, с. 450].

И это – сознательная «ссылка» на предшественников, умелый диалог, а иногда и решительный спор с ними. В недавно опубликованном в России романе А. Битова «Пушкинский дом» мы находим умышленное соотнесение битовского сюжета с сюжетами произведений Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Чернышевского, Тютчева. Ленинградский поэт А. Кушнер настойчив в своей преданности легко узнаваемым мотивам стихов Ахматовой и пастернака, Фета и Иннокентия Анненского. В переплетении музыкальных и поэтических традиций – прелесть искусства кумира сегодняшней молодёжи Бориса Гребенщикова. В хорошем смысле слова «узнаваем» и поддается эстетической расшифровке кинематограф

А. Тарковского и Н. Михалкова. Булат Окуджава созвучен этим художникам в их стремлении сконцентрировать богатейшую духовную энергию современности, сфокусировать неисчерпаемый потенциал нравственности нашего народа, само наличие которого – гарантия от катастрофы духа, но в то же время и тревожный сигнал о сегодняшнем оскудении ресурсов человеческих душ, характеров и сознания.

Эстетическая природа нового романа Б. Окуджавы, вобравшая в себя опыт значительного пласта русской и мировой культуры, определила идейное богатство и незаурядность этого произведения, понять которое – задуматься о человеке, его свободе и зависимости, его надеждах и таланте,

трагической обречённости судьбы.

Действие романа «Свидание с Бонапартом» разворачивается в ситуации Отечественной войны 12 года [29]. В настоящее время у большинства из нас сложились вполне чёткие представления о ходе и значении этой войны, о роли в ней её полководцев и рядовых. Естественна поэтому обострённая читательская ревность к фактографической точности романа, к строжайшему соблюдению исторической и политической правды. Но Булат Окуджава разочаровал многих любителей эпохальных событий такими, «как они были на самом деле». Он смело проигнорировал ряд исторических фактов 12 года, вольно обошёл с подробностями географии, костюмов и интерьера. Современный писатель преподнёс на суд зрителя нечто весьма отдалённо напоминающее Отечественную войну начала прошлого столетия. 12 год и люди, его пережившие, узнаются лишь по внешним своим очертания [24, с. 448]. Сохранены только декорации тех событий, суть же их явно трансформирована в наши дни. Булат Окуджава создаёт роман, где героями становятся люди вообще (более всего, конечно, люди «кровавого» XX века), а война приобретает значение универсальной, то есть войны как таковой, того насильственного нарушения мира, когда в личной судьбе и обществе воцаряется хаос и смятение.

Участник II мировой войны, Б. Окуджава навсегда возненавидел кровопролитие народов. Достаточно вспомнить его «Будь здоров, школяр!» и некоторые лирические стихотворения военного цикла, чтобы признать, что война для Окуджавы самое противоестественное и чудовищное состояние общества. Писатель ненавидит войну настолько, что даже берёт на себя редкую – что и говорить, оригинальную! – смелость не подразделять войну на захватническую и освободительную, а воспринимать военный сумбур в целом как всеобщую, равно для всех воюющих народов непоправимую беду.

Роман Б. Окуджавы «Свидание с Бонапартом» уже по своей тематике имеет явную переключку с известнейшим романом Л. Толстого «Война и мир». Но если для великого русского писателя Отечественная война 12 года

вмещает в себя наряду с варварством и дикостью военных нравов несомненное благородство и высоту человеческого духа лучших представителей дворянства и народа, то Окуджава в изображении своей « всеобщей» войны склонен видеть только горе и страх, кровавое месиво и бездарную неразбериху передвижений.

Писатель убеждён во вреде всякой и прежде всего военной агрессии для судьбы каждого человека [29]. Для него не существует отдельно русского, французского, австрийского несчастья. Б. Окуджава нарочито сближает судьбы разных народов, вовлечённых судьбою в войну. Героями « Свидания с Бонапартом» становятся и русский Тимофей Игнатъев, и французская певица Луиза Бигар, и австрийский учитель Франц Мендер. Они объединены сюжетно (вынуждены скрываться в чудом уцелевшем доме на Поварской) и психологически: всех их преследует страх, презрение к хамству мародёров, смертельная усталость от бытовых неудобств и морального дискомфорта. Б. Окуджава не видит в военных буднях, трофеях и даже победах ничего привлекательного, идущего далее сиюминутной эмоциональной вспышки или нравственного облегчения. Вчитаемся в страницы романа, посвящённые занятой французами Москве, описанию атаманства Варвары Волковой, рассказами Пряхина о настроениях в русской армии. Они пестрят кровавыми эпитетами, удручающими ум и сердце сравнениями. С них встаёт образ чудовищного хаоса, где перемешаны легкомысленная удаля одних и неоправданная жестокость других, пьяный кураж третьих, животных страх четвёртых, беспомощность и рабская зависимость от слепой воли провидения всех. Резко характеризует Окуджава войну, где «убийцу убивают и их убийц тоже, а за ними уже спешат новые... И тот, кто крутит это колесо, ввергает их в преступление, связывает по рукам и ногам, и у них уже нет сил отрешиться... каков соблазн!».

2.1. Историческая и литературная концепции романа Б. Окуджавы «Свидание с среди Бонапартом»

Все любимые герои Б. Окуджавы – страдальцы от веры в добро и ум. Показательна судьба брата генерала Опочина, отца Тимоши, отчаянного книжника и мечтателя, не сумевшего примирить идеалы французской революции с «вонью скотных дворов милого своего Отечества», покончившего жизнь самоубийством в самом расцвете лет. Действительность обманывает мечтателя. Мысль эта, что и говорить, не нова. Кризис романтического сознания всегда привлекал внимание европейских и мировых художников, поиск истоков крушения идеалов приводил к глобальным социальным обобщениям, имеющим результатом колоссальные революционные преобразования в странах. Булат Окуджава ни в коей мере не копирует старые модели «утраченных иллюзий», он исследует природу разочарований своего времени. Его герои – усталые от «застоя» духовной и общественной жизни 60-х – 70-х годов наши современники. А явная переключка раздумий писателя с мыслями жизни Толстого лишь подчёркивает вечность и серьёзность этих дум для русской интеллигенции, для всей отечественной культуры.

Вслед за толстовскими героями герои Окуджавы будут размышлять над разгадкой того «бескрайнего муравейника», каким время от времени будет представляться им жизнь, где порою теряется человеческое «я», где и без него – это «я» «все...» будет расти и подниматься... и обрушиваться... и вновь подниматься выше?» [32, с. 82].

Как ответил Булат Окуджава на вечные вопросы бытия своим романом? Нельзя сказать, что он написал оптимистический роман. Скорее всего, в нём нашли отражение крайние тревоги и самые грустные из всех дум талантливого художника. Не пригрозив человечеству окончательной гибелью от нравственной порчи, писатель тем не менее не обнадёжил читателя и привычным для себя пророчеством духовного возрождения из пепла насилия

и рабства. Вдумчивое прочтение романа настраивает на тон глубокого и обоснованного разочарования. Но это разочарование сильного духом человека. За ним не паника, а суровое знание об отсутствии тайн и чудес, трезвый расчёт на крепость своей души, вера в мудрость земли и жизни, рождающих вновь и вновь.

Итоговым разочарованием пронизана судьба Варвары Волковой – возлюбленной генерала Опочина, законной супруги светского льва Свечина, матери Лизы, заботливой тёщи Тимофея Игнатьева. Возлюбленная, супруга, мать, тёща. Пожалуй, эти «регалии» Варвары Волковой вполне характеризуют смысл её жизненного пути в романе. Судьба этой героини Окуджавы весьма существенна для понимания мыслей автора о счастье и несчастье человека, наделённого от природы красотой и умом, но обречённого жить среди привычек к стандарту, ложным традициям и рабской морали.

С первых страниц романа Варвара может показаться традиционной героиней лирики и романов Б. Окуджавы. Писатель создаёт образ, окружая его пьянящей душу таинственностью. В начале повествования помещица Волкова красива и своенравна, остра на язык и непредсказуема в своём поведении. В ней привлекателен бунт против всего посредственного и шаблонного, Варваре претит бытовщина и серость будней, душа её подвластна единственному существующему для неё закону – закону любви [10, с. 193].

Красивое сильное впечатление производит сюжетная линия романа, подчинённая полутаинственным отношениям Варвары Волковой с красавцем и умницей Свечиным. Их первая встреча: поцелуй двух «незнакомцев» среди народного гуляния и честь убийства царя-тирана – дань романтическому видению мира героиней

В традиционном для Окуджавы ключе идёт описание той атмосферы, в которой произошла эта встреча: «Запах лаванды, молодого тела, мартовского морозца – всё перемешалось... Всё длилось – мгновение, а казалось –

вечно...».

Невольно вспоминаются рассуждения генерала Опочина о всепобеждающей силе аромата и запаха. Встреча Варвары и Свечина – мгновение истины [10, с. 55]. Но «среди разверзшихся стихий» происходит чудо, которое с течением некоторого времени, отмеченного страданием, поиском и безотчётными надеждами, сменяется рядовым браком, рождением дочери Лизы, охлаждением чувств и фактическим, устраивающим все стороны разводом.

Новым романом Б. Окуджава утверждает зыбкость романтических иллюзий. Прекрасные замыслы, увы, утрачивают свои колдовские чары на пути воплощения. И вот изменяет Варваре удаль, всё больше угадывается в ней к концу романа робкая нерешительность перед поступком и словом. Перед нами – обыкновенная мать, тревожащаяся за судьбу своей дочери; усталая помещица, трезво управляющая нелёгким хозяйством; пожилая женщина, думающая о хлебе насущном, не мечтающая, не бунтующая, уже некрасивая. Горькие разочарования постигают и француженку Луизу Бигар, оскорблённую москвичами (столь её восхищавшими) в день освобождения Москвы от французов. Не нашли осуществления и надежды Луизы на благодарную память от всего сердца любимого ею Свечина. Посетивший её в Париже Офицер Пряхин вместо ожидаемого душой возлюбленного – жалкая ирония судьбы.

Надменный светский лев, поклонник идей французской революции, Свечин к концу романа также утрачивает свой романтический шарм и становится для всех более земным и понятным. Грустью пронизано его последнее письмо Варваре: «Видимо, Ваша фантазия, с помощью которой Вы меня нарисовали, оказалась значительно талантливее своего рисунка <...>, <...> хотя я теперь понимаю, что всё это лишь бледное отражение нашей жизни, вечно поединка неземной фантазии с хладным гранитом».

Неземной аромат лаванды первой встречи Варвары со Свечиным сменился сдобным запахом домашней ванили. Запах французских духов от

платья молоденькой хохотушки Ариши, которую генерал Опочин мечтал сделать хозяйкой своего званого обеда, сменяется тяжёлым запахом перегара от неё – опустившейся после гибели своего барина. Над миром в романе Б. Окуджавы плывёт запах тлена и крови, а не божественного эфира. Дым военных костров заменяет людям облака на небе.

Разочарованы все. Булат Окуджава не наделил счастьем воплощённого замысла никого из своих героев. Исследую душевные драмы своих любимых персонажей, писатель усматривает связь с тем, что не состоялось в обществе в целом. Его тревожит очевидное несовершенство социального и духовного уклада жизни людей. Изначальная нравственная «дезориентация» нескольких поколений, когда следствие бездумно принимают за причины, в зле умышленно усматривают пользу и за формой упрямо не желают видеть сути, приводит к печальным результатам «рабства» духа, немощи плоти, бездарности правления, идиотизму слепого исполнительства. Б. Окуджава рисует картину всеобщего оупления нравов и сознания. Даже честные и умные люди у него не способны вырваться из плена собственной шелухи, которая часто подменяет им действия, подвиги, строительство, мысль. Вспомним, что в романе герои часто довольствуются лишь разговорами, прожектами, реформами. Испытав первые разочарования в судьбе, они на определённых этапах своего развития верят в «призрачное счастье» плана на будущее. Это счастье длится, пока продолжается какой-нибудь разговор – об освобождении ли Москвы, о восстании ли, об урожаях или пошиве нового платья, о женитьбе ли, о строительстве усадьбы – а потом забывается, рассеивается, оборачивается очередным поражением или сказкой. «Фразы, предназначенные вместо кирпичей в стены будущего дома», никого не спасают и не приносят процветания ни семье, ни Отечеству.

Но самый главный и трудно победимый враг для героев «Свидания с Бонапартом» бюрократическая машина, перед которой все равны: одинаково серы и заранее мертвы.

В неравной схватке с равнодушным законом, замешанном, кстати, на

попустительстве одних, прекраснoдушии других и безликoсти третьих, погибают лучшие умы России, её цвет.

Трагическую линию романа завершает судьба младшего представителя семейства Опочиных – Тимофея Игнатьева.

Самое тяжёлое и безысходное чувство оставляет у читателя эта судьба. Игнатьев появляется в романе «юношей в шестнадцать лет, рождённым для великих дел... мудрой книгой в неискушённых руках». Он любимый племянник генерала Опочина, последнее звено знаменитого опочинского рода. Куда же будет направлена его богатая энергия, полученный в наследство ум и талант души? Война 12 года всерьёз удовлетворила жадную потребность Тимоши в подвигах., бескорыстии, кураже, военной удаче. И это естественно: молодость горяча и неопытна. Не зная радостей мира, она отдаётся наслаждениям справедливой (по её мнению) войны. Но война позади, что же дальше?

Неискушённая серыми буднями душа Тимофея Игнатьева искренне радуется встрече с родными Липеньками. «Всё в мире меняется – только Липеньки неизменны!» благодарно выводит его руки на листе белой бумаги как эпитафия к новой мирной жизни. Но вот прошли первые восторги от встречи с домом, и стало грустно. Жизнь отовсюду казалась свой непраздничный, но извечный лик: «Дед погиб, от Ариши тянуло винным перегаром, лестницы в доме скрипели, пахло чёрт знает чем... Бежать было некуда». Тимоше становится тесно в отчем краю, но в отличие от отца и деда он не предаётся унынию или бунту. Игнатьев-младший ровен в своих чувствах, сдержан в поступках, он даже расчётлив. В тишине и покое Липенек Тимоша усматривает единственную возможность сохранить свою независимость – фамильное качество опочинского рода. Свобода – непреодолимый магнит для развитой личности. Но она никогда не может быть полной. Субъективное ощущение своей независимости не освобождает человека от объективной принадлежности к законам, порядкам, традициям общества. Надежда на суверенность духовной жизни – иллюзия молодости. Тимоше кажется, что он

волен поступать так, как он хочет. Молодой человек отстаивает своё право не разделять чуждых ему мнений, не предпринимать нелепых с его точки зрения шагов. Он решительно отстраняется от политического, дружественного ему по своему составу Союза декабристов, так как новая кровь, пролитая за справедливость, кажется ему ненужной жертвой эгоизму заговорщиков. Тимоша, как и его дед, больше верит в добровольное единение людей, основанное на эстетическом чувстве прекрасного и трезвом расчёте пользы.

Совсем по-толстовски, в кругу тихого семейного счастья, мечтает Игнатъев устроить свою личную жизнь. Его избранница – Лиза Свечина – вполне разделяет убеждения будущего супруга. Они лишь немного смущают бунтарский дух Варвары. Ей непонятна излишняя практичность молодых людей, предпочитающих удали – труд, любви – уважение, счастью – здоровье.

Разница поколений для Окуджавы очевидна и глубока: слишком неравноценный опыт вынесли они из истории, слишком отличными друг от друга были духовные среды при вхождении их в зрелость.

Тимофей Игнатъев теоретически мудрее отца и деда, но практика жизни и для него обернётся трагедией. В несвободном мире господства бюрократии все формы проявления таланта души так или иначе обречёнными на истребление. Тимофей Игнатъев становится жертвой подозрения в заговоре декабристов.

Он, не имеющий отношения к сути политического мятежа, будет тем не менее арестован, унижен допросами, морально убит. Судьба младшего Игнатъева потрясает незаконностью свершённого над ним бюрократического насилия.

Вспомним, что генерал Опочин мог отомстить своему обидчику, глядя ему в глаза. Отец Тимоши добровольно ушёл из жизни, поняв, как несбыточна утопическая мечта о равенстве и свободе для всех. Игнатъев-сын покончил с собой из-за невозможности перенести оскорбление всей системой

отношений в обществе, где каждый человек ежечасно рискует стать мишенью чьей-то подозрительности, зависти и коварства. Насильно, чьей-то чужой и равнодушной волей Тимофей Игнатьев был сначала вычеркнут из жизни, лишён прав и будущего, а потом так же равнодушно и анонимно прощён. Гордость не позволила Игнатьеву воспользоваться этим «царским» подарком восстановления в правах живых.

Б. Окуджава написал грустный, по сути трагический роман, не оставляющий у читателя никаких иллюзий относительно служения высоким идеалам любви и чести. Да, обречённость полётов духа – вывод из главных сюжетных коллизий «Свидания» [18, с. 492]. Но нельзя при этом не заметить, что и вечное стремление человека к таким полётам также оказывается вне сомнения читателя после знакомства в романом. Писатель смирил свой талант с неизбежностью разочарования, но не предался отчаянию. Скорее, он приготовился к молчанию мудрого, знающего главную тайну человека. Разговор о «Свидании с Бонапартом» был бы не полным, если бы мы не коснулись истории ещё одного персонажа романа – офицера Пряхина. Думается, что этот герой важен для Б. Окуджавы, ведь именно ему доверяет писатель высказать житейскую, по-своему вечную правду о жизни. Пряхин играет в сюжете «Свидания» примерно ту же роль, что играл Максим Максимыч в «Герое нашего времени» и рассказчик Белкин в прозаическом цикле повестей Пушкина. Можно уловить некоторую схожесть Пряхина с одним из самых «земных» и «долговечных» героев «Войны и мира» Николаем Ростовым.

Есть в этом офицеришке с «обветренным лицом, окаймлённым свежими бакенбардами» нечто загадочное, что-то от лукавого «ваньки-встаньки», терпеливого русского мужичка, который всё вынесет и сухим из воды всегда выйдет. Трудно поддаётся он прямым нравственным оценкам. Пряхин невзрачен на вид и незатейлив в мыслях, но без него не обходится ни одно яркое и оригинальное лицо романа. Пряхин – связующая нить множества важных сюжетных линий. У генерала Опочина он покупает убыточную

деревеньку, спасая тем самым её бывшего хозяина от долгов. Пряхин рассказывает утешительные истории про общих знакомых атаманше партизанского отряда Варваре Волковой. Луиза Бигар искренне развлечена его неуклюжими комплиментами и ухаживаниями. Пряхин является парламентарём при решении важнейшего политического вопроса о взятии Москвы. Он же молчаливо присутствует при опасных разговорах будущих бунтовщиков- декабристов. Наконец, именно Пряхину поручено конвоировать своего друга Тимошу Игнатьева из Липенек в Петербург как опасного преступника.

Пряхин неоднозначен и неуловим в своих поступках. Заметим, что он всегда сваливается, «как снег на голову», и приносит людям то утешение, то беду. У него есть удивительная способность проникать во все сферы жизни. Пряхин живуч, по- мужицки основателен и несокрушим в жизненных передрыгах несмотря ни на что. Почему? Где истоки такой неистребимости среди военного хаоса и крушения надежд лучших умов России в мирные годы? Что позволяет Пряхину жить при том, что рядом многие люди погибают, кончают жизнь самоубийством, умирают душой от тоски? Ответить на этот вопрос непросто. Ещё сложнее определить отношение писателя к своему герою. Лермонтов, очевидно, отчасти завидовал Максиму Максимовичу, избавленному судьбой, воспитанием и природой от мук демонизма. Пушкин умел уважать «маленького человека», любоваться его национальным простодушием, надеяться на постоянство его привязанностей, восхищаться жизнеспособностью и оптимизмом. При этом великий русский поэт предчувствовал и неизбежные беды от неразвитости, суеверия и излишней покорности такого героя, что гениально воплотил в своих повестях и романах идущий за ним Достоевский [33, с. 822]. Толстой посвятил изучению русского характера жизнь, но так и не избавил себя от сомнений насчёт его достоинств и пороков.

2.2. Характеристика ключевых образов романа Б. Окуджавы «Свидание с Бонапартом»

Роман Булата Окуджавы, изданный еще в 1985 году, явно перекликается с романом Льва Толстого «Война и мир». В романе Окуджавы события Отечественной войны 1812 года сложно переплетены с романтическими судьбами его героев. Вымысел и фантазии смешаны с истинной историей нашествия и изгнания наполеоновских войск. Но это именно роман, очень непростой по структуре и приемам, а вовсе не учебник истории.

В отличие от Толстого, Окуджава в изображении своей «всеобщей» войны склонен видеть только горе и страх, ужас и смерть, кровавое месиво и бездарную неразбериху. Писатель убежден во вреде всякой и прежде всего военной агрессии для судьбы каждого человека. Для него нет отдельно русского, французского, австрийского несчастья. Поэтому он нарочито сближает судьбы разных народов, вовлеченных в войну. Героями «Свидания с Бонапартом» становятся и русский Тимофей Игнатьев, и французская певица Луиза Бигар, и австрийский учитель Франц Мендер.

По убеждению Окуджавы, важнейшая задача человечества - покончить с войной. Но как избавиться от неё, не прибегая к насилию? Есть ли выход из тупика военной лихорадки? Кто возложит на себя миссию спасения? Главный герой в романе Окуджавы - старый генерал русской армии Николай Опочин, лицо загадочное и трагическое. Он потерял ногу при Аустерлице, но от гибели на льду пруда его, раненого и замерзающего, волей случая спас Бонапарт, объезжавший поле боя после сражения, что лишь усложняет нравственный выбор героя.

В романе «Свидание с Бонапартом» идет война 1812 года. Наполеон уже взял Смоленск и продвигается к Москве. Генерал Опочин замыслил пригласить кровожадного корсиканца в свою усадьбу на званый обед и угостить музыкой. По плану генерала, злого гения войны необходимо

пропустить через испытания торжеством духа и плоти, пусть узнает цену чистому звуку, нефальшивой ноте мудрости, веры и скорби, пусть заплачет над людскими судьбами, содрогнётся от открывшегося ему собственного бездонного одиночества. Генерал мечтает о минутном торжестве истины над злобой и корыстью властолюбца.

Музыкой не ограничивается план мечтателя Опочина. Он хочет угостить Наполеона шикарным обедом. Это будет стерлядь, кислые щи, специально приготовленная оленина и гречневая каша [43, с. 154]. В блюде, по мнению генерала, главное – аромат, он такая же истина, как и чистый музыкальный звук. Герой Окуджавы уверен, что, познав глубину наслаждений, человек обретёт нечто сокровенное для себя и будет готов к настоящему героизму. На многих страницах своего постмодернистского романа Окуджава подробно описывает приготовления, музыкальные инструменты и подробности кулинарии предстоящего обеда.

А потом, согласно коварному плану, во время кульминации обеда генерал незаметно подожжет фитиль на бочке с порохом и взорвет Бонапарта вместе с его маршалами. В огне взрыва навсегда сгинет Наполеон, но не прежний, а вкусивший от настоящего и вечного, успевший за минуту до гибели раскаяться и воскреснуть душою. Увы, романтическим планам генерала Опочина не суждено сбыться. Так и не увидел он за своим овальным столом взволнованного пиром и музыкой злого гения войны, хотя все репетиции готовящегося спектакля были проведены и отшлифованы до совершенства. Один из французских офицеров, проезжая мимо дома, «уготованного» судьбой для прозрения и уничтожения Наполеона, мимоходом оскорбил генерала, назвав его «хромой обезьяной». Старик не стерпел и выстрелил в своего обидчика. Генерал Опочин тут же погиб от сабли драгуна, так и не воплотив в действительность своей заветной утопической идеи.

Глава III. Проблема свободы личности в военных реалиях 1812 года

Роман Окуджавы на современном этапе жизни, разделило каждого кто прочитал данное произведение на две стороны: на людей которые не заметили данное произведение, и на людей которого ничего не поняли, не смогли определить цель данного произведения, а также исторический смысл.

Роман Окуджавы цепляет читателей своей трогательностью, чувствительностью, которую Окуджав прочувствовал на протяжении всей своей жизни.

Произведение Окуджавы имеет особенную структуру, включающая в себя повести имеющие взаимодействие между друг другом, а также тесную связь между героями второго плана. Повести включенные в данное произведение отражают события 1812 годов, в том числе рассмотрение основных положений направленных на французов и их наступление, отступление и пребывание в Москву [43, с. 160]. Важно помнить, что каждый человек России по-разному воспринимают историческое событие, войну, имеют личные эмоции при изучении личности Наполеона, а также личное мнение по отношению к изучению философии происходящих исторических событий.

Среди современников имеются личности оставшихся под невероятным впечатлением от личности героев романа Окуджавы, от отношения героев к России, их любви, отношения к Родине вызывающая реакцию как восхищения, так и отторжения. Данные представители приходят к мнению о том, что основная цель Свидания с Бонапартом – это исторический момент, приводящий к изменениям связанным с войной, книга о том, как война поменяла жизнь каждого человека в отдельности, так и в целом поменяла жизнь все жителей России, сломала их жизни.

Стилистическое изложение Окуджавы выглядит не очень гладко, и не сильно уступает стихотворением, в моменте прочтения сложно определить

от чьего имени шла речь. Автор с большим рвением пытается включить большое количество информации, затронув самые важные на его взгляд моменты, связанные с цветами, продуктами, музыкальными произведениями.

Неоднозначность отношений к человеку – простому, является актуальной на сегодняшний день, человек который включает в себе капризную историческую сторону.

Путь Окуджавы в романе трагичен, на пути исследования добра и зла, однако напротив, имеет свое личное мнение и стилистический подход в сравнении с другими авторами. Можно даже предположить важность написанного, и его значимость по отношению к миру и то на чем держится благополучие общества и мира.

Работа Окуджавы «Свидание с Бонапартом» написанное Окуджавой в исторической истории, советского периода, отражает в себе полноту, темноту, а также околичности и высокопарность. Ряд критиков полагает, что свидание с Бонапартом изложена несколькими авторами, отраженными обрывками, связанными с самыми интересными местами и самыми интересными моментами исторического прошлого.

Критики на современном этапе, так до сих пор не смогли в полном объёме интерпретировать роман Окуджавы. Среди критиков также встречаются мнения о том, что суть данного произведения задуманная автором так и не смогла раскрыться в данном произведении, не смотря на стилистический блеск и оригинальность мысли и приема изложения.

Данные обстоятельства критики связывают с тем, сколько времени затратил Окуджава на работу данного произведения, с сильным желанием вместить как можно больше событий и как можно большого количества информации. Окуджава постарался включить самые основные моменты связанные с войной, предопределенностью человека, глотка свободы, а также декабризмом и неготовностью личности к абсолютной свободе [44, с. 23].

Замысел романа в первоначальном развитии был отстранен на второй план, забыт, автор так и не смог воплотить в жизнь грозы двенадцатого года,

но не смотря на это, автору все же удалось соприкоснуться читателя с войной, прочувствовать каждой клеточкой жизни людей в период войны, понять всю боль и их отношение. Прикосновение хоть и через призму литературы к военному периоду 1812 года позволяет понять исторический аспект, а именно рассмотреть декабризм, взаимоотношения с Европой, священный союз.

Роман и его композиция, приводит авторов к мысли могуществе рока: моменты кульминации отражается в сюжетных линиях отраженных в судьбе разных поколений семьи, во взаимосвязи с соседкой – красавицей.

3.1 Вера и патриотизм как сущностные характеристики свободы личности в художественном мире романа Б.Окуджавы «Свидание с Бонапартом»

Патриотическая тема при любом государственном устройстве актуально, однако в последние годы она стала главной разменной монетой современных политиков. Патриотами представляют себя люди самых разных мировоззренческих взглядов и ценностных ориентаций.

На этом фоне обострилась идеологическая борьба по поводу отношения к православной церкви, которая в силу своего исторического происхождения в нашей стране, всегда занимала положение главного апологета и фундатора принципов патриотизма. Поразительно, с какой яростью политики вроде бы патриотической направленности, но атеистических взглядов препятствуют любым попыткам восстановить в государственной идеологии и образовании опору на православные ценности.

В таком контексте, развёртывание темы «Русский патриотизм и православие» требует, прежде всего, ответа на принципиальный вопрос: «Возможен ли русский патриотизм без православия?»

Рассмотрим в этом ключе. Для многих патриотизм – это великодержавная гордость, оставшаяся от ощущения сверхдержавности СССР. Чувство вполне реальное, но бесплодное, ввиду отсутствия объективной реальности государства о котором идёт речь. Однако, сильнее, хочется надеяться, современные патриотические настроения наших людей созвучны позиции М.Волошина. Когда ему предложили эмигрировать из охваченной гражданской войной России, он сказал: «Когда мать больна – дети с нею». И никуда не уехал.

Действительно, какое-то чувство сроднённости с землёй, к счастью, ещё есть в народе. Тут возникает неизбежный вопрос: какие факторы нужно считать достаточными, чтобы рассматривать как единое целое население, рассредоточенное по огромной территории, разные части которой

соприкасаются с весьма различными этнокультурными ареалами мира и (может быть) могут существовать в некоем режиме самообеспечения. Очевидно, ни экономические, ни кровнородственные, ни даже политико-административные условия недостаточны. Необходимо духовное единство, позволяющее каждому человеку ощущать себя частью некоего целого, ради которого он готов отказаться от части (иногда очень большой части) своих личных интересов, возможностей, собственности.

Понимание национальной самодостаточности России не может осуществиться без фактора духовной детерминации [43]. В отличие от роста человека, рост народа не может рассматриваться как исключительно физиологический процесс. Люди осознают общность между собой, прежде всего, духовно. Естественно, для России православие – фактор принципиальнейший. Во многих смыслах, и сейчас, когда в России всерьёз воцерковлённых людей, видимо, не более 12-15%, быть русским всё-таки означает быть православным. Об этом свидетельствуют данные всех социологических опросов, где выясняется конфессиональная самоидентификация людей (православными определяют себя не менее 70% населения).

Россия не смогла бы не только дорасти до нынешнего физического размера, но и в принципе сохраниться в окружении сильных враждебных народов, если бы не была православной. События последних столетий (от старообрядческого раскола до атеизма советской эпохи) сильно осложнили ситуацию, но сейчас многое можно исправить, поскольку снята анафема со старообрядцев, а период безрелигиозности государства сделал неактуальными многие духовные противоречия рубежа XIX-XX веков. Россия осталась православной, пусть по традиции, по культуре, пусть маловерной, но православной. Во всяком случае, никакого иного мировоззренческого стержня, способного цементировать страну не видно.

В этом небольшом произведении фактически выражена концепция подлинного патриотизма, который всегда держится на любви к земле

предков. Любовь эта имеет не физическую природу. Она глубоко духовна, определена Богом и раскрывается в душевной работе человека. Для Пушкина без такой любви самый мир теряет смысл, а душа - одухотворённость. Очевидно, что именно патриотический взгляд является нормальным фактором определения смысла жизни человека. Патриотизм позволяет реализоваться в любой деятельности. Занимается ли человек земледелием, ремеслом, производством, торгует, создаёт художественные ценности, лечит людей, собирает и перерабатывает информацию, учит, исследует, молится – всё важно и необходимо Родине. Однако особенно отчётливо патриотическая позиция проявляется, когда угрожает опасность – во время военных нападений. Здесь выражение патриотизма приближается к священнодействию. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих», - сказано в Евангелии. Именно поэтому, говоря о патриотизме, мы, в первую очередь, вспоминаем воинов и их великие битвы.

Современное социальное устройство в мире таково, что по мере выработки невоенных способов преодоления конфликтов количество прямых участников военных столкновений уменьшается. Тем не менее, идея патриотизма нисколько не теряет своего значения для нормального развития любой страны, а нашей, в особенности, ввиду сложностей исторического, географического, этнологического, демографического порядка. Образы воинов прошедших эпох, которых можно рассматривать как идеальные с патриотической точки зрения, весьма актуальны.

В этом смысле, отмечаемый ныне 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года даёт прекрасные возможности для формирования необходимого идеала.

В тот год ни для высшей аристократии, ни для духовенства, интеллектуалов, торговцев и промышленников, горожан и крестьян не было никакого сомнения в том, что в Россию вторгся враг. Враг могучий и грозный. Спасти от него можно только сообща, жертвуя самым дорогим.

Парадокс в том, что эта, казалось бы, очевидная позиция, совсем не

была однозначной в других странах, куда вошёл Наполеон. Ведь, он шёл как освободитель, носитель идей гражданского равенства и прав личности. По всей Европе его поддерживали, многие, шли под его знамёна. Что, этого не знали в России? Разумеется, знали. Русское дворянство находилось под влиянием французской культуры, многие бывали во Франции, привозили литературу. Более того, сам император Александр Благословенный общался с Наполеоном, интересовался его планами государственного устройства [48]. Будучи воспитанником эпохи Просвещения, как никто был близок идеям всеобщего благоденствия. Для нашего царя французское руководство представлялось неподходящим для реализации этой задачи. Он прямо говорит в 1804 году: «Наиболее могущественное оружие, каким до сих пор пользовались французы и которым они ещё угрожают всем странам, это общее мнение, что их дело – дело свободы и благоденствия народов. Было бы постыдно для человечества, чтобы такое прекрасное дело пришлось рассматривать как задачу правительства, ни в каком отношении не заслуживающего быть его поборником».

Красивые идеи, выдвигаемые Наполеоном, в России воспринимались с подозрением, ввиду неприятия источника этих идей. Наполеон пытался расчлнить единство российского общества. Определённую поддержку нашёл среди поляков, добивавшихся восстановления независимости своего государства. Однако уже обращение к украинскому казачеству, казалось бы, тоже потерявшему самостоятельность при Екатерине – не дало ничего. Казаки однозначно и весьма активно выступили на стороне своего правительства... В Великороссии обращаться было не к кому.

Для большинства россиян принципиальное значение имело православие Наполеона и всей его многоязыкой армии. Для православных было очевидно, что с Запада исходит опасность жестоких притеснений в вопросах совести. Примеров такого рода великое множество со времени бесчестного захвата Константинополя крестоносцами в 1204 году. Особенно

богата, в этом смысле, история польско-литовской Речи Посполитой, где православное население не раз оказывалось по существу вне закона. Опыт введения унии православной церкви с папством на условиях сохранения обрядности свидетельствует о том же самом – об использовании её как механизма угнетения православных.

Хорошо известно было и другое: те, кто уходил из православия – становились врагами России. Прецеденты известны в разные века, Очень чётко это видно в трагедии «Вольдемар» Владимира Сергеевича Печерина – русского человека, перешедшего в католичество и ставшего иезуитом. Там есть такие строки:

«Как сладостно Отчизну ненавидеть

И жадно ждать её уничтоженья».

Произведение написано в начале 30-х годов XIX века, но подобная точка зрения среди отступников православия была и раньше. С Запада, в духовном смысле, не ждали хорошего и в мирное время, а тут - война, огромная армия. Патриотический подъём охватывает всех.

Интересно сравнить проявления патриотизма в войну 1812 года с тем, что происходило в другую Отечественную – Вторую мировую. Здесь также, как и в начале XIX века проявляется высочайшая степень патриотического напряжения, массовый героизм и самоотверженность. Это – реалии жизни нашего народа в ту войну. Однако нельзя забывать, что в гитлеровских войсках (и их союзников) находилось до пяти миллионов русскоговорящих людей, в т.ч. три национальные армии. И ведь, эти люди отдавали жизнь тоже за патриотические идеалы, испытывая, по словам поэта:

«Бессилие, ненависть к страшным Советам,

При светлой, священной к России любви» (М. Карпычев)

Получается, что именно события 1812 года, в силу исторических обстоятельств, дают наиболее чистое выражение идеи русского патриотизма, и, соответственно, воины этой войны представляют собой идеал патриотов.

Немаловажно ещё одно обстоятельство. Русская армия XIX века была

воспитана в стройной патриотической концепции, сложившейся ещё в екатерининские времена. Компактным выражением этой концепции является работа генералиссимуса А. В. Суворова «Наука побеждать», опубликованная впервые в 1806 году. В ней дано много рекомендаций методического характера по разным вопросам военного искусства и организации походной жизни войска, но красной нитью проводится идея готовности умереть «за Дом Богородицы» (символической название России) и упования на Божью помощь. Это стержень патриотизма XIX века.

Как мы можем использовать патриотический опыт войны 1812 года в современных условиях? В первую очередь, необходимо осознать православную составляющую патриотизма русских воинов того времени. Прежде всего, следует выделить три позиции:

1. Православная вера даёт основу соборного единства народа, при котором каждый способен реализовывать свои силы в общем деле. В армии это особенно заметно.

2. Вера даёт человеку Страх Божий, т.е. осознание своей ответственности перед Богом в надежде на жизнь вечную. Это чувство помогает преодолеть страх перед любой земной, временной напастью. Русские воины, благодаря этому, демонстрировали высочайшую доблесть, беззаветное мужество, но, вместе с тем, милосердие, терпимость, заботу о ближних.

3. Вера помогает строить отношения с окружающими на принципах православной семьи. В армии старшие старались по-отечески заботиться о младших, не рисковать зря. Младшие – беззаветно исполняли задачи. Генерал-фельдмаршал М. Б. Барклай-де-Толли, чтобы сохранить солдат перед вдвое большей армией Наполеона, вёл войско вглубь страны от русской границы почти такое же расстояние, как от Парижа до этой границы. Светлейший князь М. И. Голенищев-Кутузов заботился о том же. На Бородинском поле русских погибло на треть меньше, чем французов, но и после этого было решено сдать Москву, чтобы избежать больших потерь.

Всё это служит для нас прекрасным образцом устройства общественных отношений и формирования патриотической позиции каждого [45].

3.2 Свобода личности в художественной интерпретации Б.

Окуджавы

Мысль о свободе в романе Окуджавы является олицетворением борьбы за свободу в области художественной интерпретации, являясь ключевым моментом для художественного мира. Проза, раскрываясь через исторические моменты, отражает в себе большой спектр сложных взаимосвязанных событий, связанных с эпохой России, с точки зрения сегодняшних событий, дополняющих историю современностью.

Наследие Б. Окуджавы накапливают в себе сложнейшие процессы. Несомненно, историческая проза является новым этапом развития темы «свободы личности» в его творчестве. Романы были созданы в тот период, когда автор почувствовал несовместимость идеалов «оттепели» и действительности. Это время для Б. Окуджавы связано с переосмыслением своей эпохи, а также достижений предыдущего этапа литературной судьбы. В исторической прозе писатель демонстрирует бессилие и зависимость «частного» человека перед исторической действительностью и, вместе с тем, право на «глоток свободы»

Абсолютная свобода в романе Окуджавы отрекается автором. Окуджава показывает читателю через весь роман, что невозможно существование истории и человека вне зависимости друг от друга [46].

Выводы

Булат Окуджава, несмотря на то, что большая доля известности пришла к нему благодаря его композиторской деятельности и песням, сумел войти в историю ностальгической советской литературы, как писатель, воплощающий на основе реальных исторических хроник целый социально-философский пласт.

Его главные романы «Путешествия дилетантов» и «Свидание с Бонапартом» являются образцами социального романа и исторической художественной литературы и по сей день.

Простая, и, в то же время, самобытная позиция Окуджавы в его произведениях стала той самой особенностью, подарившей глубокую притягательность его исторической прозе.

Желание донести свои мысли и сущность простого человека в контексте важнейших исторических событий, наделили прозу Окуджавы большей художественностью, чем может получить любой другой исторический роман, а широкий спектр его творческой деятельности навсегда создал ему репутацию честного автора, который пишет «от сердца».

Именно потому произведения Булата Окуджавы становятся прекрасным материалом для исследования любой социальной проблемы, в том числе, и столь актуальной, как свобода личности.

Заключение

Состояние военной неразберихи, полуанархии, при которой немислимо говорить о полноценной культуре и политике, о полнокровном нравственном климате общества и духовном здоровье каждого человека отражает неблагополучие социальных систем, сложившихся в мире в XX веке. Сама ли война, тревожное ли ожидание её, мучительные ли воспоминания о прошлой войне или мрачные пророчества войны грядущей – всё это искажает и омертвляет душу человека, делает её зависимой, чрезмерно воинственной, подозрительной. Война, сама возможность её возникновения в какой бы то ни было точке земного шара чревата невосполнимыми нравственным потерями! Покончить с войной – первая задача человечества. Но как избавиться от неё, не прибегнув в очередной раз к насилию? Есть ли выход из тупика военной лихорадки? Кто возложит на себя миссию спасения людей, не поддастся искушению трофеями и славой войны? Герой Окуджавы найден. Это старый генерал русской армии Николай Опочин, лицо в романе отчасти загадочное, но по сути – трагическое.

Наверное, не у одного из читателей он вызвал недоумение, граничащее с раздражением. Как понять поведение генерала, отказывающегося принять участие в военных событиях в самый трагический для страны момент? Кто он, этот «развращающий» утопическими мечтами своих дворовых, празднично настроенный барин? Возможно ли «перед лицом гибели Отечества» оправдание его крайнему индивидуализму, вызывающему эстетству, эпатирующему хладнокровию?

Генерал Опочин, безусловно, близок, если не сказать больше – автобиографичен – самому Б. Окуджаве. Причём схожесть здесь явно духовная. Писатель любит рождённым чувством свободы своего героя. Генерал не желает играть роль в новой войне (у него за плечами их уже две), роль ещё одной хорошо натренированной жертвы. Умереть на поле сражения, может быть, доблесть, но никак не смысл всей человеческой

жизни. Гораздо важнее научиться жить в соответствии с высшими потребностями души. Важно не заставить людей умирать, а найти способ уберечь их от военной чумы навсегда, подарить человечеству чудодейственный способ жить только в мире, в ладу с собой, с верой в бессмертие духа, в красоту плоти, мудрость знания. Генерал Опочин мечтает о том, чтобы спасти мир от злого гения войны посредством... простой и ясной гармонии.

О музыке Булатом Окуджавой написано немало. Поэт-лирик, он награждает её чудотворной силой. музыка у Б. Окуджавы исцеляет и вознаграждает, утешает и укоряет, возрождает и провожает человека в последний путь. она – фея, сестра, недостижимая дама, вечный зов для мучительно влекущейся к идеалу души.

Генерал Опочин замыслил победить кровожадного корсиканца Бонапарта музыкой. Гениальности всемирного разрушения он собирался противопоставить гениальность творческого созидания. Во время войны достигнуть гармоничности духовной и телесной жизни нельзя, ведь никогда «не сливается с кличем победителей вопль побеждённых». Война должна быть вытеснена миром, где первую роль в устройении человеческих отношений люди отведут музыке. «Музыка, свет, слова, ароматы» вот, по мнению генерала Опочина (к которому всеми силами своей богатой души рад бы присоединиться и Б. Окуджава), единственная атмосфера жизни, где возможны творчество, труд, любовь и покой. Пафос человеческой судьбы должен быть только высоким, амплитуда чувств глубокой, воображение сочным, ум благородным, талант расточительным.

В истории человеческого сердца не избежать, безусловно, высокой печали и даже боли, но через достойное своей души страдание, через потрясения и бури духа человек должен-таки прийти к восхищению миром, гордости собой и родом человеческим. По плану генерала Опочина, злого гения войны необходимо пропустить через испытания торжеством духа и плоти. пусть узнает цену чистому звуку, нефальшивой ноте мудрости, веры и

скорби, пусть заплачет над людскими судьбами, запечатлёнными в незатейливых мелодиях, содрогнётся от открывшегося ему собственного бездонного одиночества. Генерал мечтает о минутном торжестве истины над злобой и корыстью властолюбца. Потом генералом будет осуществлён взрыв, в огне которого навсегда сгинет Наполеон, но не прежний, а вкусивший от настоящего и вечного, успевший за минуту до гибели раскаяться и воскреснуть душой. Замысел генерала не лишён видимых и наивных противоречий, известных нам с далёких и вместе с тем исторически недавних времён, когда мысли о насилии и непротивлении сосуществовали и не могли разрешиться без потерь либо на одной, либо на другой стороне идеи о спасении человечества. Герой Окуджавы заблуждается, но, как и положено одержимому страстью и целью, не осознаёт этого и упорен в своих мечтах и фантазиях.

Музыкой не ограничивается план безумца Опочина. Он мечтает угостить Наполеона шикарным обедом. Это будет стерлядь, кислые щи, специально приготовленная оленина и гречневая каша. В блюде, по мнению генерала, главное – аромат, он такая же истина, как и чистый музыкальный звук. Человек рождён ощущать блаженство, он не может довольствоваться малым, безвкусным, бездарным, лишённым смысла. Человек умирает душой среди нищеты и вони, пьянства и разврата, гари и копоти военных пожаров. Герой Окуджавы уверен, что, познав глубину наслаждений, человек обретёт нечто сокровенное для себя и будет готов к настоящему героизму. Узнав вкус истины, он поймёт и горький привкус её поругания. Человек узнает цену ожиданию и тревоге, ревности и тоске, высокой печали жестокой правды о той войне, где сильные мира сего лишь богатеют, а солдаты изо всех сил стараются только выжить.

Романтическим планам генерала Опочина не суждено, к сожалению, сбыться. Так и не увидел он за своим овальным столом взволнованного пирам и музыкой злого гения войны, хотя все репетиции готовящегося спектакля были проведены со старанием и отшлифованы до настоящего

совершенства. Генерал Опочин погиб, не воплотив в действительность своей заветной утопической идеи.

О смерти героя следует сказать подробнее. Это случилось внезапно. Один из французских офицеров, проезжая мимо опочинского дома, «уготованного» судьбой для наполеоновского прозрения, мимоходом оскорбил старика, назвав его «хромой обезьяной». Генерал не стерпел хамства и, недолго раздумывая, выстрелил в своего обидчика. Офицер упал мёртвым, но и для генерала Опочина жизнь оборвалась в ту же минуту: он был сражён шашкой сопровождавшего обидчика драгуна.

Опочин мечтал отомстить Наполеону за униженное войной человечество, но на деле отомстил лишь никому не известному хаму за нанесённое ему лично оскорбление. Как странно, но вместе с тем жестко закономерно распорядилась судьба! Протест талантливой одиночки – всегда лишь наивный прожект, легко уязвимый при первом же грубом столкновении с жизнью.

Пощёчина негодяю – вот что, оказывается, может позволить себе честный, имеющий достоинство человек. Личная гордость как следствие гордости родовой, национальной, наконец, общечеловеческой – единственное неотъемлемое право личности, единственный способ уважать окружающих, предъявляя к ним требования не ниже требований, предъявляемых к себе.

Чуть дальше по сюжету романа Тимоша Игнатьев, любимый племянник генерала Опочина, будет в бессильной тоске бить по щекам изверга-старосту из своей деревеньки. И он не сможет примирить в себе потребность свободы для всех с невозможностью наказать конкретного преступника иначе, чем крепким кулаком. Но исправляется ли зло силой удара? И исправится ли оно вообще когда-нибудь? И прекратятся ли войны? До гармонии ли, когда и героям, и автору «Свидания с Бонапартом» порою кажется, что давно и сознательно потерян общий созидающий смысл событий, утрачены гуманистические критерии добра и зла, а в оркестре человеческих отношений

нагло солирует флейта-пикколо, зовущая толпу к боям и обещающая власть победителям? Больно и грустно думать о судьбах людей, которые «рождаются, набираются сил, научаются радоваться, надеяться, глядеть на себя в зеркало, удивляться своим формам, цвету глаз, сиянию улыбки, и всё это для того, чтобы однажды накинуться друг на друга, хрипя и кашляя, пускать друг другу кровь».

Жизнь и кончина генерала Опочина весьма традиционны для русской классики, основной мыслью которой так или иначе была мысль о благородстве и пытке страдания. Страдание для русского интеллигентного человека всегда заключалось в тревоге ума и непокое сердца. Осознание несовершенства себя, общества, мира и человечества в целом – неотъемлемая характеристика русского интеллекта, стремящегося к торжеству справедливости для всех, мучающегося позором и эгоизмом частной жизни, разочарованного в настоящем, слепо верящего в завтрашний день.

В современной литературе отношение к «простому человеку», испытавшему на себе все капризы истории, также неоднозначно. Об этом можно написать целое исследование, в нём будут представлены различные точки зрения. Но Б. Окуджава не присоединится, пожалуй, ни к одной из них. В осмыслении «добра» и «зла», вносимого в мир обыкновенным человеком, он идёт своим путём. Это путь горькой иронии. И Пряхин в романе «Свидание с Бонапартом», скорее, трагикомичен. Да, можно подумать, что на нём «держится мир» и благополучие общества. Он имеет всё: военную и гражданскую карьеру, здоровье, семью, милых приятелей, скромный талант литератора, вознагражденные пенсией заслуги.

Но что-то останавливает нас в желании подражать ему, гордиться родством с его душой, спешить увидеть в нём панацею от бед. Пряхин – из того большинства, которое Булат Окуджава оценивает критически, без боязни «обидеть» народ или «наговорить на него».

В Пряхине – не столько спасение, сколько потенциальная опасность растворения личности в одурманенной войнами и одураченной

бюрократизмом среде.

Важно задуматься над тем, в каких условиях характер Пряхиных формируется? Что играет решающую роль при проявлении такого социально-психологического феномена? Природа или конкретные житейские обстоятельства? Думаю, и то, и другое.

Внешняя незаметность, недостаток природного благородства и полноценного образования при более близком знакомстве с жизнью, где попеременно царствуют Злодей и Бюрократ, оборачивается хитростью и приспособленчеством. Пряхин – исполнитель законов. Он, конечно, не убийца, но свидетель преступлений, совершаемых при его жизни, его службе, его косвенном участии.

На глазах Пряхина происходило всё то, что уничтожало весь опочинский род, испепелило душу Варвары, разуверило в идеалах Свечина, подкосило здоровье Лизы, сгубило Арину, разочаровало Луизу. Пряхин же спокойно и даже с достоинством доживает свой век, сохранив репутацию милого человека, усердного воина и ревностного слуги закона. Чего же более? И молиться он всегда будет об урожае, здоровье и благополучии всех. А предел возможного счастья – крынка молока утром, робкие шаги жёнушки за дверью, да румяное потомство. Без молока, жены и детишек прожить, безусловно, трудно, Б. Окуджава далёк от высокомерного осуждения этого столь распространённого во все времена идеала, заменившего людям любовь, чудеса, тайны, но...

Пряхин. Если не торжествует, то спокойно устраивается на страницах нового окуджавского романа. На нём – на его исполнительстве и на исполнительстве похожих на него сыновей и внуков – будет держаться Россия.

Грустная ирония пронизывает «Свидание с Бонапартом». И всё-таки не к отчаянию зовёт роман, а к самоанализу. Ведь генерал Опочин, Тимофей Игнатьев, Варвара Волкова, Ариша, Федька, вездесущий Пряхин в каждом из нас. А нравственный выбор между свободой и рабством – не выдумка

писателей.

Роман Б. Окуджавы помогает людям, зная о неизбежных разочарованиях финалов, почти фанатически пробиваться к той заветной гармонии, без которой не было, нет и не будет истинного человеческого величия.

Список использованной литературы

1. Александрова, М.А. Мотивы пушкинского «Медного всадника» в романе Булата Окуджавы «Свидание с Бонапартом» / Художественный текст и культура. Владимир: ВГПУ – 2004. – С. 103–110.
2. Александрова М.А. «Капитанская дочка» в зеркале советской исторической прозы: тайная свобода и потаенный спор // Новый филологический вестник. М.: РГГУ, 2009. № 2. С. 83–98.
3. Александрова М.А. Советская критика об исторической прозе Б.Ш. Окуджавы: перевернутая страница? // Забытые и второстепенные критики и филологи XIX – XX веков. Псков: ПГПУ, 2005. С. 259–267.
4. Александрова, М.А. Советская критика об исторической прозе Б.Ш. Окуджавы: перевернутая страница. Забытые и второстепенные критики и филологи XIX – XX веков. Псков: ПГПУ – 2005. – С. 259–267.
5. В.Ш. Юровский : Лит. обозрение. – 1998. – № 3. – С. 52–63.
6. Выдрина Вера Владимировна Проблема историзма и исторического романа в творческом сознании А. Пушкина и Б. Окуджавы // Вестник ТГПУ. 2012. №3 (118).
7. Гельфонд М.М. Мандельштам и Окуджава: мир и лирический герой // Голос надежды: Новое о Булате. Вып. 3. М.: Булат, 2006. С. 325–335.
8. Гельфонд, М.М. Мандельштам и Окуджава: мир и лирический герой // Голос надежды: Новое о Булате : 2006. – С. 325–335.
9. Гинзбург Л.Я. Литература в поисках реальности. Л.: Сов. писатель, 1987. 608 с.
10. Гордин Я.А. Порвалась связь времен? (Заметки об одном направлении современной исторической прозы) // Вопросы литературы. 1986. № 3. С. 43–70.
11. Дубшан, Л.С. Рецензия на Б. Окуджава. Избранные произведения: В 2 т. М. Современник: –1990. – № 9. – С. 193.
12. Егоров Михаил Юрьевич Б. Ш. ОКУДЖАВА В ПЕРИОДИКЕ

- ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ // Верхневолжский филологический вестник. 2021. №3 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/b-sh-okudzhava-v-periodike-tretiey-volny-emigratsii> (дата обращения: 15.02.2022).
13. Ермолин Евгений Анатольевич Булат Окуджава и разложение советской и антисоветской массовой культуры // Ярославский педагогический вестник. 2019. №2.
14. Жачемукова, Б. М., Бешукова Ф. Б. Художественная специфика жанра исторического романа // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-spetsifika-zhanraistoricheskogo-romana> (дата обращения: 15.02.2022).
15. Кипнес, Л.В. Типология женских образов в творчестве Б.Ш. Окуджавы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, №2(38), с. 249-256.
16. Кипнес, Л.В. Женские образы в романе Б.Ш. Окуджавы "Путешествие дилетантов" // Филологические науки. Вопросы теории и практики/Научно-теоретический и прикладной журнал №1 (3), 2009, Тамбов. С. 102-104
17. Крылов, А. Е. Авторская песня; творчество Окуджавы, Высоцкого, Галича/ Окуджава, Высоцкий, Галич... : Науч. альм. – 2018–2019: Либрика, 2021. – С. 820–836
- 18.. Крылов, А. Е., Юровский, В.Ш. Научное окуджавоведение за 2004–2006 гг. Голос надежды : Новое о Булате. Вып. 4. –2007. – С. 489–493.
19. Крылов, А. Е. Булат Шалвович Окуджава : Библиография /
20. Крылов, А. Е., Юровский, В.Ш. Библиографический список текстов Б. Окуджавы, не вошедших в его собрание. Голос надежды: Новое о Булате Окуджаве. – Вып. 3. –2006. – С. 511–520.
21. Крылов, А. Е., Юровский, В.Ш. Булат Окуджава. Библиография 2003–2005 годов. Голос надежды : Новое о Булате. – Вып. 8. –2011. – С. 469–

520.

22. Крылов, А. Е., Юровский, В.Ш. Булат Шалвович Окуджава. Материалы к библиографии. Голос надежды : Новое о Булате Окуджаве. : 2004. – С. 408–432.
23. Крылов, А. Е., Юровский, В.Ш. // 50 российских бардов: Справочник /
24. Крылов, А. Е., Юровский, В.Ш. Булат Окуджава. Материалы к библиографии. Голос надежды : Новое о Булате Окуджаве. – Вып. 2. – 2005. – С. 447–473.
25. Крылов, А. Е., Юровский, В.Ш. Список публикаций Б. Окуджавы 1990–1993 гг. : Библиография, 1994. – С. 66–76 – № 2 (март–
26. Крылов, А. Е., Юровский, В.Ш. Список публикаций Б. Окуджавы : Советская библиография. – 1990. – С. 62–75.– № 1
27. Крылов, А. Е. Булат Шалвович Окуджава : Каталог прижизн. публ. стихотворений / А. Е. Крылов. – 1998. – С. 609–639. : ил.
28. Левкович Я.Л. Восстание декабристов в советской художественной прозе // Русская литература. 1975. № 4. С. 168–179. 15. Белая Г.А. Литература в зеркале критики. М.: Сов. писатель, 1986. Литер. –1980. – 384 с.
29. Литературная газета. – 1969 – С. 6.
30. Ложков Дмитрий Владимирович Цензура в СССР в условиях разрядки международной напряженности (1970-е годы) // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2013. No1.
31. Матюшкина Е. Н. Тип героя в исторических романах Б. Окуджавы // Вестник РХГА. 2011. No1. с.2
32. Матюшкина, Е. Н. Авантюренность в исторической прозе Б. Окуджавы // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. No3.
33. Минералов Ю. Да это же литература! // Вопросы литературы. 1987. No 5. С. 82
34. «Минувшее меня объемлет живо...» / Беседу вел Ю. Болдырев //

- Вопросы литературы. 1980. № 8. С. 124–148.
35. Назаренко, М.И. «Прогулки фрайеров». Историческая тетралогия Булата Окуджавы как целое (К постановке проблемы) / Голос надежды.
36. Окуджава Б.Ш. Избранные произведения: В 2 т. М.: Современник, 1989. Т. 1. 528 с.
37. Окуджава, Б.Ш. «Путешествие дилетантов». М.: Сов. писатель, –1980. –544 с.
38. Окуджава Б.Ш. Стихотворения. СПб.: Академ. проект, 2001. 712 с.
39. Окуджава, Б. Далекое и близкое / Интервью вела И. Ришина // Литературная газета. – 1976. – С. 3.
40. Окуджава, Б.Ш. : Избр. библиогр. : Произв. (1945–2000); Ст. о творчестве Окуджавы (1992–1999); Дискогр. / Биогр. Справка; сост.
41. Орлов, В. Булат Окуджава в кино и в жизни // Булат Окуджава: биография, стихи и песни. Электрон. дан. [Б. м.], 2008.
42. Оскоцкий В.Д. Роман и история. М.: Худож. Литер., 1980. 384 с.
43. Перцовский В. Нравственный поиск исторической прозы // Сибирские огни. 1975. № 1. С. 152–165.
44. Померанц, Г. Серная спичка // Литературное обозрение. 1998. № 3. С. 23–24.
45. Сидорова, Г.П. Советская массовая литература 1960-1980-х гг.: читательские предпочтения // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. No3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-massovaya-literatura-1960-1980-h-gg-chitatelskie-predpochteniya> (датаобращения: 15.02.2022).
46. Симмонс Э. Политический контроль и советская литература // Политическая лингвистика. 2008. No24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-kontrol-i-sovetskaya-literatura> (дата обращения: 15.02.2022).
47. Смирнова, А. И. Роман Булата Окуджавы «Путешествие дилетантов»: архитектоника и жанр // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение.

- Журналистика. 2006. №5. сост. Р.А. Шипов. – М. : Кн. маг. «Москва», 2000. – С. 298–318.
48. Улмасова, З. Исторический роман и его разновидности // Вестник ТГУПБП. 2009. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskiy-roman-i-ego-raznovidnosti> (датаобращения: 15.02.2022).
49. Ханукаева, И. В. Окуджава Булат Шалвович : Библиогр., 1945–1993.– Т. 16. – С. 180–275.
50. Шаронова, Е. А., Шаронов А. М. Жанровая специфика русского исторического романа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovaya-spetsifika-russkogoistoricheskogo-romana> (дата обращения: 15.02.2022).
51. Шторм Г.П. История принадлежит поэту... // Литературная газета. 1969. 8 окт. С. 6.